

ИНТЕРВЬЮ

ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ

На 2-й день съезда писателей бывшего СССР на Поварской рядом с Домом киноактера, где шел съезд, мы вдруг увидели Виктора Астафьева. В тот жаркий полдень приятно было пить пиво под парусиновыми тентами и кронами пышно зеленеющих прохладных лип возле ЦДЛ и думать о том, что как бы ни разделились писатели — по национальностям или по убеждениям, все равно надо писать так, как пишут, например, Можжаев, Искандер или тот же Виктор Петрович. Об этом мы и говорили с Вячеславом Шугаевым, сидя за столиком уличного кафе. И вот тут-то к нам подошел Астафьев, который то ли шел и не дошел до зала заседаний пулатовского «съезда», то ли зашел — и сразу вышел на свежий воздух.

Мы поздоровались, Виктор Петрович первым делом спросил:

— Ну что, Боря, не засудили тебя еще бывшие сталинисты? Я читал в «Литературных новостях» статью «Писатель Борис Никитин — последняя жертва сталинизма». Не хотят коммунисты, чтобы ты стал мэром Яхромы? Долго нам еще идти до демократии! Долго и трудно.

— Другого пути у нас нет, Виктор Петрович. Если не возродим, не воссоздадим свои русские святыни и не будем поклоняться им, то так и будем поклоняться чужим.

— Это верно. Нельзя поклоняться чужим святыням, завидовать чужим успехам, унижать себя и свое русское, кровное. Вот остановились, слава Богу, да опять на краю пропасти. Пока гром не грянул... Гоголь-то не зря подметил эту особенность русского характера. Прём, пока не упрусь в стену, пока лоб в кровь не разобьем. Если уж что втемяшится в башку — обухом не вышибешь.

Шугаев пригласил Астафьева выступить с ним на ТВ в программе «Добрый вечер, Москва!»

— Устал я, Слава, говорить то, что, слава Богу, большинству уже стало понятно. И приехал в Москву не за этим и не на съезд очередной, а подготовить в редакции «Нового мира» роман к публикации, который наконец закончил.

Пока нас мчало такси до гостиницы «Россия», Виктор Петрович убеждал поменьше посещать ресторан ЦДЛ и побольше писать, работать, пока молоды — и тут возражать ему было нечем. Мы, прочитавшие его от строчки до строчки, понимали, о чем он говорит.

В одноместном номере на 6-м этаже, тесном, но зато с видом на блестящую от солнца Москва-реку, мы расселись по креслам, а Астафьеву пришлось восседать на кровати. Он попросил разрешения переодеться в спортивный костюм и ушел в ванную комнату. Роман Солнцев достал шампанское, специально припасенное для гостей, но сам даже не присел, а убежал по делам. И мы остались втроем в светлом, продуваемом из раскрытых окон номере. Астафьев посверкивал своим проникающим во все левым глазом, а другой его глаз, поврежденный на войне, словно бы всегда смотрел внутрь.

— Ну что от меня — истинно моего останется в литературе? — спросил Астафьев. — Не надо нам заноситься, гордиться, выпендриваться особо-то. Вот от Пушкина, Гоголя, Некрасова, действительно все, почитать, осталось, вошло в пословицы, поговорки, в русский язык вросло, вкряжилось так, что и топором не вырубить. А от меня что? Да ничто! Это же все у народа я взял, подслушал, запомнил да так прям

живьем и пишу. Да ведь народ-то, народный язык не переплюнешь! Вы вот только послушайте, что деревенская баба о супружеской паре говорит: — «Живут оне в разножопицу». Какое?! Ну какая же это жизнь, если так? А то еще скажет «вразнатык». Одним словом все разъяснит, и рассказывать долго не надо. Какая у них может быть жизнь? Не жизнь, а мука! Тут только разбежаться надо побыстрее. Да язык-то, народный язык не имеет дна! Может быть, каждому поколению свой Даль нужен. А уж раз-то в сто лет обязательно он необходим. Кажется, теперь Солженицын этим занимается.

Вася Шукшин, покойный, слышал язык. Эх, как он его слышал, как знал!

Литературные новости - 1992 - окт (№13) - с. 6

мы от мировых проблем? Может, прав Распутин, предложивший России от всех отделиться и заняться, наконец, самими собой, благоустроить свою землю, восстановить свою русскую культуру, которая не уступит никому, а кое в чем и превосходит, что всем известно. Может, пора остановиться, не учить других, тем более весь мир, а самим взяться за ум, за свой ум. Ведь он у нас был и, надеюсь, еще не весь вышел. Давайте начнем работать, работать, работать! Пахать землю, сеять хлеб, трудиться, беречь родину-мать, чтобы нас она поминала добром, а не проклинала. Пусть дети, внуки наши поживут с умом, раз у нас это не совсем получилось. Есть еще надежда. Мы уй-

но, то остается диктатура, насилие. Еще одной диктатуры-самодуры Россия уж точно не выдержит. Неповиновение приведет к гражданской войне, война — к самоуничтожению. Этого нельзя допускать. Я, конечно, не политик, говорю только свое личное мнение. Но и меня удивляет, что на местах власть оставлена бывшим партийным функционерам, тем, в кого народ давно давно не верит. Более того. Большинство их просто ненавидит, неустанно требует суда над КПСС, ибо она, эта партия, действительно разорила народ, довела на пути «к скорому счастью» до нищеты, невежества, озлобления — и теперь пожинает то, что посеяла.

Мы остановились

ДВА ВЕЧЕРА

— Вы тоже сторонник суда над КПСС?

— Если юристы находят для этого достаточно оснований, то почему же нет? Вот немцы поступили гуманно: просто запретили коммунистам занимать руководящие посты сроком, кажется, на 10 или 15 лет. Но там коммунисты не успели разрушить страну так, как у нас. Восточные немцы, конечно, быстрее восстановят жизнь, у нас же все будет медленнее. У нас надо отстранить партчиновников лет на 20—30, чтобы они как можно дольше не мешали самовозрождению. Пусть придут не исполнители, готовые за подачки выполнять любой приказ, пусть руководят истинные радегели страны, народа. Пусть придут истинные российские патриоты. Наша земля еще рождает таких людей. Они есть. И не надо огульно обвинять их в национализме или шовинизме. Есть, конечно, и среди русских крайние националисты, но весь наш российский народ нельзя в этом обвинить, хотя бы потому, что Россия всегда была и есть — многонациональная страна.

— А вы уверены, что на демократическом пути России, то есть всех нас, ждет успех?

— Да ни в чем я не уверен, если сказать честно! Как можно быть уверенным, если стоим на развалинах страны? Из народа вытравили мораль, культуру. А ведь Россия была чуть не целиком крестьянской страной, и крестьянин имел свою внутреннюю культуру. Это проявлялось в отношении к труду, в первую очередь, и в отношении к семье, к дому, ко всей жизни, даже к смерти. Были традиции, обычаи, ритуалы, которые нельзя было нарушать, не рискуя быть изгнанным из общины, из общества. Это продолжалось веками! А сейчас что? Отношения в семьях разрушены. Хочешь живи — хочешь не живи, хочешь — воспитывай детей, хочешь — брось их и балдей с бутылкой вина. Это и есть трагедия, драма народа. А ведь есть она, русская культура, это мы должны до нее опять дорасти. Есть, кстати, и общемировая культура, которой тоже, хотим мы этого или нет, надо соответствовать. Те моральные вопросы, которые мы якобы решали, а, точнее, за нас пытались решить другие (КПСС, КГБ), на самом деле давно решены в России. Весь XIX век русская интеллигенция работала

Народ чо? Скажет и забыл. А писатель должен запомнить, сохранить, может, только чуть-чуть прикоснуться, чтоб пера его не было видно, а само слово было слышно, ибо в слове-то, в интонации — душа человека. Вот ругают меня за соленые крепкие слова, а как вы, например, частушку народную без них пропоете? В народе полно таких частушек. Или возьмем ситуацию на войне, где взамен нецензурному слову ничего не поставишь — выйдет слабо, неубедительно. Когда ты на грани жизни и смерти, под тобой грязь, над тобой снег, в животе один сухарь сутки гниет, нет курава, патронов под рукой пять штук и приказ — ни шагу назад?! Да тут же озвереешь. Вся сила тут — мат да штык!

— Ох, уж этот национальный вопрос! Стоит его затронуть — и на тебя уже обижаются целые нации. Точнее, один кто-то, но обязательно от имени всей своей нации! То грузины, словно Астафьев не спекулянт алчных обругал, а как минимум Шота Руставели. И вот пишут и вот стыдят, прямо врагом грузинского народа делают. Да вы чо, ребята! В своем ли вы уме? Ну обожал бы я своих спекулянтов или браконьеров, воспевал их — тогда другое дело. А ведь наших-то русских проходимцев я разве люблю? Мало ли я защищал родной народ от своих негодяев? Вот мне мой хороший приятель, инспектор рыбнадзора, недавно говорит: «Петрович, не могу больше, загугали совсем, убить грозят». И ведь свои, местные, знает всех чуть не с детства. Ну что я ему мог сказать?! Уже не рыбу, человека надо спасать. Уходи, говорю, заради бога, убьют они тебя, убьют, совсем народ ведь озверел, как ни горько это говорить. Вот до чего дожили.

Бердяев еще лет сто назад отметил, что для русского человека характерно это качание, раскачка между святостью и свинством. Это он точно заметил. И у Достоевского это отмечено. Мы ведь, если сказать честно, народ без середины. Русский человек или говно, или прелесть. В этом наша трагедия, в этом наша беда. Какой-то фатальный максимализм — или уничтожение до пьяных соплей. Если революция, то обязательно мировая, если перестройка, то опять — главное событие XX века! Миру что, больше нечем заниматься, кроме нашей перестройки? Может, оставим в покое мир, пусть они отдохнут от нас, а

дем, а внукам жить. И жить России, течь рекам, расти лесам, петь птицам, пвести травам... Не травите, не рубите, не убивайте! Оставьте после себя жизнь, а не погибель, не смерть. Вот что мы должны говорить, писать. А иначе для чего наши книги?

— Виктор Петрович, как Вы думаете, почему Ельцин не прислушивается к совету сменить всех руководителей на местах? Неужели он не понимает, что нынешнее положение смертельно опасно как для него, так и для нашей молодой демократии? Возьмем, к примеру, наш Дмитровский район Московской области. Кто у нас запраивал до Ельцина? Новоселов, — первый секретарь ГК КПСС. Кто был у него одним из замов? Гаврилов, спец по идеологии. Ну, а какая идеология у КПСС была, все знают. Что мы видим теперь, после так называемой победы демократов в августе прошлого года? Мэром в Дмитрове господин Лужков назначил товарища Гаврилова, а Гаврилов, разумеется, одним из своих замов поставил того же товарища Новоселова. После этого они расставили по всем ключевым постам в районе тоже своих товарищей по партии. За прошедший год эти товарищи успешно занимались приватизацией фабрик, заводов, земель и прочего. Народ просто не понимает, что происходит. Ради чего была затеяна перестройка, если власть на местах осталась у тех же партийных чиновников? Люди же перестают верить Ельцину. Тем более что большинство оказывали ему доверие авансом, ориентируясь на его программу, на его обещания.

— Да, Ельцин из-за такой кадровой политики может попасть в трудное положение, просто в ловушку. Зря он, конечно, слишком доверяет своим бывшим соратникам по партии. Быстро забыл, как любыми методами они старались не допустить его в президенты. Его нынешнее благодушие может оказаться для него роковым. Он просто подорвет свой авторитет, народ перестанет верить в него, идти за ним, не захочет его терпеть. А это же очередной виток анархии, неподчинения, сопротивления, то есть прямой путь в отставку президенту. А если он не уйдет в отставку добровольно, цивилизован-

Геннадий Бурматов